

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль». —
«Русскій Вѣстникъ». — «Книжки Недѣли». —
«Русское Обозрѣніе». — «Сѣверный Вѣстникъ».

На нашихъ беллетристовъ и поэтовъ, видимо, подѣйствовали сѣрые осенніе дни: какое-то унылое, безрадостное, безнадежное настроеніе чувствуется во всѣхъ повѣстяхъ и разсказахъ, появившихся за послѣдній мѣсяцъ. Среди этой «беллетристики унылыхъ настроеній», вообще очень схожей, очень однообразной по мутному, сумрачному колориту, встрѣчаются разсказы Чехова, О. Шاپиръ, В. Дмитріевой, О. Руновой — писателей далеко не похожихъ другъ на друга, но на этотъ разъ какъ-то неожиданно слѣвшихся въ одинъ печальный, безрадостный мотыль.

«Русская Мысль» даетъ два крохотныхъ разсказика А. П. Чехова: «Крыжовникъ» и «О любви». По обыкновенію талантливаго писателя, написанные жизненно и ярко — эти разсказы, однако, производятъ не такое сильное впечатлѣніе, какъ недавній «Человѣкъ въ футлярѣ». Видимо, авторамъ овладѣло особое, сильное настроеніе, которое онъ стремится какъ можно полнѣе выразить въ художественной формѣ. Первымъ плодомъ такого настроенія явился разсказъ «Человѣкъ въ футлярѣ», но авторъ не удовлетворился имъ, автору хочется еще что-то добавить, разъяснить (пожалуй даже — разжевать) читателямъ... Онъ пишетъ свой «Крыжовникъ» и вновь — такъ дополняетъ послѣдній очеркомъ «О любви». Внутренняя связь между этими тремя вещами очень ясна: пошлость жизни, человѣческое безсиліе, бездушіе и полная безнадежность одинаково ярко изображены въ нихъ. Въ разсказѣ «Крыжовникъ» описывается обыденный, трудящійся человѣкъ изъ мелкой интеллигенціи, достигшій своего жалкаго буржуарнаго идеала жизни. Изъ мелкой черточки характера своего героя авторъ сумѣлъ извлечь типичное до жуткости обобщеніе, сумѣлъ развить безотрадную, широкую картину душевной ограниченности современнаго человѣка. Герой г. Чехова сдѣлался помѣщикомъ, и верхомъ блаженства для него является полученный изъ своего сада свой крыжовникъ. До остального міра ему нѣтъ дѣла, чужія

печали и горести ему — ничто... Герой г. Чехова производитъ отталкивающее впечатлѣніе, но типъ его не новъ: это тотъ же вчерашній «человѣкъ въ футлярѣ», только нѣсколько варьированный. Разсказъ «О любви» тоже вариация того же свойства современнаго человѣческаго характера, мелкаго и безсильнаго. Герой разсказа любитъ жену своего пріятеля, любитъ искренно и долго — и молчитъ... Она тоже душою вполне принадлежитъ ему, и тоже молчитъ, и тоже несчастна. Только при разлукѣ навсегда у нихъ вырывается обоюдное признаніе. Что же жѣшало ранѣе этому признанію, сдѣлавшему ихъ хоть на мигъ счастливыми? Была ли любовь героя похожа на самоотверженную, пугливую любовь тургеневскаго Якова Пасынкова? Жертвовала ли героиня своимъ чувствомъ во имя долга? Нѣтъ, ихъ пугали тысячи мелкихъ причинъ, ихъ останавливала и боязнь свѣта, и неуверенность въ своихъ силахъ и въ своей любви... Такова, по изобразженію Чехова, современная любовь, робкая, сама себя не познающая, неуверенная.

Хотя, повторяемъ, эти два разсказа — вариации на первоначальную тему, по все-же чеховскій талантъ выражается въ нихъ такъ полно и ярко, что они, несомнѣнно, привлекутъ должное вниманіе цѣнителей и поклонниковъ талантливаго беллетриста.

Тяжелой тоской проникнуть и разсказъ даровитой писательницы В. І. Дмитріевой въ «В. Евр.», носящій характерное мѣстное названіе «Другъ Ксанто». Дѣйствіе происходитъ на берегу Крыма, среди роскошной природы. Авторъ думаетъ найти среди простого, мирнаго люда покой и тишину, неслепотенныя городскою суетой сердца и души, но жестоко разочаровывается. Яркимъ представителемъ берегового населенія является грекъ-лодочникъ Ксанто, контрабандиеръ и вообще порядочный мошенникъ. Въ беседахъ съ авторомъ Ксанто высказываетъ свои убѣжденія: денегъ, денегъ побольше, во что бы то ни стало, добытыхъ какими угодно путями. Ксанто жметъ, мошенничаетъ, предастъ измѣннически своего пріятеля татарина, провинившагося передъ полиціей... Типъ этотъ вполне понятенъ; онъ созданъ шальными курортными деньгами, городскими соблазнами, проникающими въ мирное деревенское житіе, — словомъ, — обратной стороною дурно воспринятой и ложно понятой культуры. Хорошо